

Шадрина Евдокия Михайловна

В МЕСТО ПРОЩАЛЬНОГО БУКЕТА

Каким он был, этот наш разговор с Евдокией Михайловной? Грустным его не назовешь — она то и дело рассказывала о веселых происшествиях в своей длинной театральной жизни, вспоминала о них с улыбкой, смеялась. Веселой эту беседу тоже назвать нельзя — через несколько дней человек расстанется с коллективом, в котором прошла вся жизнь. И грустные глаза Шадриной ярче слов передавали ее состояние.

...Вы приходите в театр, попадаете в праздничное сияние огней и бархата, покупаете программу спектакля. И, узнав, кто сегодня играет, в самом низу программы читаете: «Ведет спектакль Е. М. Шадрина». Второй звонок напоминает вам, что до открытия занавеса осталось пятнадцать минут и можно уже пройти из фойе в зал, занять свое место... А в это время в артистических комнатах по внутреннему радио раздается ее спокойный голос:

— Добрый вечер, товарищи! Дай второй звонок. Прошу приготовиться участников первого действия. Желаю вам хорошего настроения!

Спектакль еще не начался, но человек, который его ведет сегодня, уже давно в работе. Да, она знает, что такое хорошее настроение для актера. Она знает, какого напряжения сил, нервов, энергии стоит актеру каждый его выход на сцену. Знает, потому что...

В сентябре 1934 года городской театр объявил набор в ТЕУЧ — трехгодичную актерскую студию. Ей в ту пору было 17 лет. И самым большим ее желанием было учиться. Потому что нельзя было не учиться в городе, куда приехала их семья по настоянию отца, алтайского крестьянина. Это был необыкновенный город — по духу, царящему в нем, по ритму, в котором жили все, по той атмосфере энтузиазма и самозабвенности, что стала легендарной. Бывший крестьянин Михаил Романович Шадрин пришел на площадку Кузнецкого со своей собственной лошадкой — единственным богатством семьи. И стал работать землеопом. Квартировали сначала в Бунгуре, а потом Шадрин «построил» землянку в Араличево. И младшая дочь его

землянки вместе с отцом на кшающую людом стройку, где властвовал темп, темп, темп.

О театре ее представления были более чем туманны. Когда председатель приемной комиссии, художественный руководитель театра Исидор Григорьевич Громов попросил Шадрину прочитать басню, девушка рассказывала притчу, часто слышанную от своей матери. И никак не могла понять, чем вызвала прямо-таки неудержимый, гомерический хохот комиссии.

В студию ее приняли. Учеба шла трудно, кое-кто из преподавателей, очарованных на экзаменах стерильной непосредственностью Евдокии, к концу первого года занятий решил, что произошла ошибка. И исправить ее можно, лишь отчислив девушку из студии. Но против этого мнения восстал режиссер Николай Александрович Зорин. Он и помог будущей актрисе обрести уверенность в себе.

— Очень любила играть в классическом русском репертуаре, — вспоминает Евдокия Михайловна. — Первой моей большой работой была Простакова в «Недоросле». Затем в пьесах Островского — играла Фетинию Мироновну в «Не было ни гроша», Маланью из комедии «Не все коту масленица». Одна из самых дорогих моих ролей — Ольга в чеховских «Трех сестрах».

В домашнем архиве Евдокии Михайловны — десятки театральных программ, афиш, поздравительных открыток. Только вот с фотографиями не повезло: к двадцатилетию театра краеведческий музей оформил фотостенд, посвященный Шадриной. И кое-кто из заядлых театралов, обманув бдительность хранителей музея, «увел на память» многие снимки актрисы. Было это и огорчительно, и приятно одновременно.

Вся ее сознательная жизнь связана с Кузбассом. В первой буче Кузнецкостроя родилось у нее решение, которое определило дальнейшую судьбу.

22 июня 1941 года театр играл «Машеньку». И еще не сняв грим и костюм домработницы Моти, Шадрина пишет заявление: «Прошу отправить на фронт добро-

вольцем». Раздраженный, невыспавшийся военкоматовский офицер сказал ей:

— Артистка? Хватит тебе работы и здесь.

А потом, увидев слезы в ее глазах, неуклюже пошутил:

— Театр военных действий не для тебя, милая. Иди, не мешай работать.

«Ах война, что ты, подлая, сделала... Стали тихими наши дворы...» Эта песня стала популярной через много лет после того, как все тяготы военной жизни обрушились на людские плечи. Трясаясь в кузове грузовика, театральная агитбригада разучивала другие песни:

Вырвал Гитлер

волосочек

Из-под стриженных усов... Петь в госпиталях, в цехах КМК, в колхозах частушки предложила Шадрина, вспомнив, что когда-то балалайка была их семейным музыкальным инструментом.

— Режим у нас тогда такой был, — Евдокия Михайловна словно открывает занавес отделяющий ее от прошлого. — В шесть утра шли на КМК. Давали подряд два концерта — один для тех, кто отработал ночную смену, другой для тех, кто только пришел на работу. Потом шли в театр на репетицию очередного спектакля. После репетиции — в госпиталь, к людям, опаленным огнем войны, к нашим защитникам. А из госпиталя — на спектакль. И так изо дня в день. Когда же театр временно перевели в Ленинск-Кузнецкий, то там помогали шахтерам, грузили уголь, рыли землянки для эвакуированных семей.

Пять лет назад Евдокия Михайловна в последний раз вышла на сцену. И роль тети Души в пьесе Т. Ян «Гордячка», завершающая ее репертуарный список, осталась в памяти как ступок всего того, чем жила Евдокия Михайловна.

Вторая запись в ее трудовой книжке — помощник режиссера. Это человек, который в каждом спектакле знает все — и текст от первого слова до заключительной ремарки, и мельчайшие детали оформления, освещения, музыки. Это человек, который ведет спектакль.

...Тридцать семь лет отдала Евдокия Михайловна театру Новокузнецка. Театр был ее жизнью, ее судьбой. Театр остается ее другом.

Многие новокузнецкие видели ее на сцене, многие знают спектакли, заботливой хозяйкой которых она была. И вместо прощального букета от зрителей пусть прозвучат в адрес Евдокии Михайловны эти слова:

— Спасибо вам! Доброго здоровья, успехов в жизни!

А НАЛЕЖЛИН

Музей Евдокии Шадриной
г. Новокузнецк

11.0 НОЯ 1971